

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Рольф Тоштендаль

«НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ» И «НАУЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» В ИСТОРИИ

В статье поставлен вопрос о применимости понятия «научная революция» к истории. Рассматривается проблема оценки новых результатов и способов их презентации. Автор приходит к выводу, что лишь ограниченная часть новых результатов может быть встроена в рамки нарратива.

Ключевые слова: научная революция, метод, оптимальные нормы, нарратив.

Идея научной революции

Когда в 1962 г. Томас Кун выдвинул свою теорию научных революций, многие историки и шире – вообще гуманитарии и специалисты в области социальных наук почувствовали себя обманутыми. Идея Куна была нацелена на область естественных наук. Те, кто почувствовал, что их дисциплина рискует остаться неохваченной новым могущественным изобретением философии науки – концептом научной революции, избирали две различные стратегии реагирования. Одни защитники гуманитарных дисциплин пытались приобщиться к концепту научной революции, утверждая, что Куна и его идею следует понимать не в строгом виде, но расширительно, в том смысле, что научные революции могут иметь место и в других дисциплинах. Другие защитники социальных наук находили более резонным утверждать, что научные революции в том самом смысле, как их понимал Т. Кун, не происходят в социально-гуманитарной сфере, поскольку в поле социальных наук проявляется другая логика открытия и иная логика развития дисциплины.

Вкратце, аргументация Куна состояла в признании того, что представители естественных наук были введены в заблуждение содержанием учебников по их дисциплинам, которое заставляло поверить, будто они продолжают работать в той же традиции, что и предшествующее поколение ученых. Дело в том, что для учебников отбирались такие аспекты исследований ученых предшествующих поколений, которые могли быть описаны и транслированы в языковой стилистике современного исследования. Таким образом, учеными рисовалась особая картина (пригодная для них самих, но и не только для них), создавалось такое впечатление, что научное познание представляло собой некий неизменный корпус знаний, которому был присущ постоянный рост.

В свете взглядов Куна, такое представление полностью неверно. Рождение новой теории не является преднамеренной процедурой. Новая идея возникала в сознании ученого по определенной причине, в то же время и ее возникновение в уме создателя, и обращение к ней других ученых связано с тем, что благодаря этой идее ряд научных проблем ученые могли увидеть в новом свете. Очень часто подобного рода новые идеи не согласовались с предшествующими теоретическими схемами. Таким образом, утверждение новой теории должно было предполагать процедуру новой интерпретации эмпирического знания по проблеме.

Подобная процедура ре-интерпретации не была лишь задачей самого творца новой идеи, но стояла перед всем научным сообществом. Только когда начинался осуществляться подобный процесс, тогда и можно было говорить об утверждении новой теории или нового подхода к эмпирическим данным, т.е. о том, что научная революция свершилась, новая теория была принята сообществом и, как следствие, стала, в свою очередь, «нормальной наукой»¹.

Во многих странах, в том числе и в Швеции, велись дискуссии по этим вопросам. Я принимал в них участие и, дискутируя по поводу истории, высказывал мнение об интерпретировании идей Куна. Мои рассуждения и возражения заключались в том, что научные революции такого рода, которые представлены Куном в отношении естественных наук, невозможны в истории. Действительно в истории, как и в естественных науках, существовали парадигмы, как называет Кун доминирующие теоретические основы науки. Однако, в истории они не обязательно имели преобладающий характер. В исторической науке (или исторических науках) возможно сосуществование нескольких парадигм. И когда появляется и утверждается новый теоретический подход (например, история ментальностей), то он не вытесняет старые подходы, но, скорее, является дополнением к ним². Этот аргумент я считаю оправданным и доказанным, однако с ним есть проблема.

Данный тезис не предполагает серьезного рассмотрения тех изменений, которые происходят с профессионализмом историка под воздействием «новых подходов к изучению исторического прошлого». И эти изменения, как мне представляется, следует описывать как наиболее революционные в историографии. Я не имею в виду, что то, о чем я говорю, есть иной вариант видения проблемы Куном, однако я думаю, что он был прав, подчеркивая важность нового стиля осмысления предмета. В ходе дальнейшего изложения я поясню, что здесь имеется в виду.

¹ Kuhn. 1970.

² Torstendahl. 1979. S. 151-170.

Вначале уместно будет задаться вопросом: «Является ли история кумулятивной дисциплиной?» Ответом может быть и «да», и «нет». Однако принципиальным является вопрос, имеем ли мы, рассматривая историю, дело с той ситуацией, которая характерна и для естественных наук. Одним из дискуссионных тезисов Куна является его утверждение о том, что наука не является кумулятивной в длительной перспективе рассмотрения – именно по причине существования научных революций. Когда происходит научная революция после того, как новая идея озарила блестящий ум ученого, то прошлые изыскания должны быть пересмотрены и реформированы в свете новых идей. То, что прежде являлось хорошо известным и общепринятым знанием, таким образом, должно быть ре-интерпретировано в свете новой теории³.

Такая ситуация делает настоящим выбор между двумя теоретическими позициями в условиях, когда возможности и следствия применения старого подхода хорошо известны, а в отношении нового подхода – еще не просчитаны и, следовательно, основания для выбора остаются неочевидными. Кун писал: «Только тогда, когда они должны сделать выбор между двумя конкурирующими теориями, ученые действительно ведут себя как философы. Вот почему, как я думаю, блестящее описание причин выбора между метафизическими системами, данное сэром Карлом [Поппером] так явно напоминает мое описание причин выбора между научными теориями»⁴.

Важно заметить, что тезис Куна состоит в утверждении отсутствия эмпирически обоснованных аргументов в пользу одной из научных теорий, в отсутствии какой-либо проверки, которая бы могла привести к обоснованному выбору. Таким образом, Кун считает, что невозможно добавить новое знание к старому знанию с целью получения новой теоретической позиции. Здесь он расходится с точкой зрения Поппера, признающего процедуру фальсификации как инструмент выбора между теориями, что является основой его научной школы в философии науки. Дж. Уоткинс⁵ усматривал различие в том, что «Поппер рассматривал научное сообщество как открытое, в котором никакая теория или, в соответствии с терминологией Куна, парадигма, как бы она успешна и популярна ни была, не является неприкосновенной святыней»⁶. Только

³ Kuhn. 1970. P. 137-39, 151-159 (и много других мест).

⁴ Т. Кун в: Lakatos & Musgrave. 1970. P. 7. Кун ссылается на: Popper. 1963.

⁵ John William Nevill Watkins (1924–1999) – английский философ, с 1966 по 1989 г. – профессор Лондонской школы экономики.

⁶ Дж. Уоткинс в: Lakatos and Musgrave. 1970. P. 26.

те теории, которые обладали устойчивостью к постоянным попыткам их фальсификации, были временно принятыми научным сообществом.

В философии Поппера не было понятия «научных революций». Вместо него он оперировал идеей научного сообщества как «открытого общества», с которым Уоткинс и связывает отличия работы Поппера. Концепция «научного сообщества» Поппера полностью расходится с идеей Куна о научном сообществе, которое должно отказаться от критических возражений во имя того, чтобы стать частью успешной научной революции. И что еще более важно, понятие «научная революция» могло играть свою роль только при условии, что нововведения в сфере науки должны были либо приниматься, либо отвергаться, но никак не быть постоянным объектом критики и опровержений, что предполагает интерпретация научного сообщества Поппером.

В целом, представляется, что в решении вопроса о том, как новые теории становятся доминирующими, аргументация Поппера является более основательной, нежели доводы Куна. По мнению Куна, только фундаментальные теории могут породить научные революции – возможно, только (как представляется в настоящий момент) теория кварков или те изменения теоретических парадигм, которое вносит бозон Хиггса, но не теория световых волн, не теория естественного отбора или многие другие хорошо известные теории.

На самом деле, сегодня научные революции представляют для ученых и философов науки второстепенный интерес. С другой стороны, для тех, кто работает в различных областях социально-гуманитарного знания, вряд ли возможно отказаться от понятия «научной революции».

Большинство теорий, которыми оперируют историки, вряд ли могут производить настолько «революционные» последствия, чтобы заставить их отказаться от ранее принятых фактов, дабы найти новые. Теории, таким образом, не создают в области истории таких революций, о которых говорил Кун. Поэтому перед тем, как рассуждать о «научной революции» в истории, необходимо оговорить, что в данном случае понятие «научная революция» будет мною использоваться для того, чтобы показать отличия от его интерпретации в книге Куна. Признавая некоторое сходство в нашем понимании «нового старта», следует отметить абсолютное различие в трактовке последствий научных революций. Это должно быть сказано, чтобы избежать необоснованных ожиданий, которые не могут быть удовлетворены в рамках следующих рассуждений.

Теперь я хотел бы обратиться, прежде всего, к вопросу об истории как особой дисциплине и области знаний. В этой части я намерен проанализировать кумулятивный характер исторического знания с точки

зрения возможности получения новых результатов. Что можно считать новым результатом в истории? И насколько новые результаты влияют на прежние концепции? Далее необходимо обсудить проблему презентации новых результатов и рассмотреть вопрос о том, определяет ли способ презентации особые требования к осуществлению этой процедуры. Наконец, я предполагаю возвратиться к вопросу о том, существуют ли научные революции в истории и привести доказательства для позитивного ответа на этот вопрос при определенных условиях.

Новые результаты, дополнительное и кумулятивное знание в истории

Традиционно, начиная с конца XIX в., историческое исследование основывалось на идее поиска новых результатов, которые бы вносили свой вклад в корпус т.н. «достоверного надежного знания». Это знание должно было формироваться в соответствии с правилами, или, как я их называю, минимальными требованиями к проведению анализа, принятыми профессиональными историками⁷. Процедура исследования, в основном, сводилась к тому, чтобы разыскать новые материалы в архивах с тем, чтобы заполнить существующие лакуны в подсчетах или нарративе.

Иногда историки вносили свой вклад в пополнение исторического знания путем переосмысления ранее известного материала и на основе этого анализа утверждали, что иная последовательность событий, нежели та, которая была принята прежде, является необходимым для исторического исследования «надежным знанием». Если эти наработки принимались позитивно ученым сообществом (в обзорах или других исследованиях), то они принимались (и принимаются) как новые результаты.

Не все новые результаты могут быть расценены как действительно значимые. Некоторые новые результаты расценивались как незначительные и даже не стоящие усилий профессиональных историков. Эти соображения имеют значение для понимания употребленного выше понятия профессионализма, подразумевающего не только выполнение минимума требований к методу исследования, но и оптимальные пропорции значимости и плодотворности рассматриваемой проблемы. Два основополагающих труда, которые создали Бернгейм, а также Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, делали такое допущение, хотя и через силу. Однако настоящие трудности возникали и продолжают возникать при попытке ответить на вопрос о том, что же конкретно означают такие характеристики, как «важность» и «плодотворность» новых результатов, каковы критерии их определения. Ранке и его последователи считали основой для подобных оценок критерий «оптимальных норм». Их понимание

⁷ Torstendahl. 2003.

«норм» состояло в том, что значимые результаты исследований должны быть тесно связаны с государством и его институтами. Многие из тех, кто приоритетным среди «минимальных требований» считал исторический метод, тоже соглашались с идеей о большей значимости таких новых результатов исследования, которые связаны с государством. Основоположники школы шведских историков Лауриц и Курт Вейбули признавали пальму первенства за методами исторических исследований, но при выборе ими тем исследований четко проявлялась тенденция решать вопрос в пользу изучения государственной политики, которая рассматривалась ими как главная проблема. Однако среди их последователей лишь немногие продолжали следовать такому принципу выбора, что дает основание не рассматривать эту группу как научную школу в точном смысле слова. В то же время, есть основания для заключения о том, что понимание «оптимальных норм» существенно различалось внутри отдельных групп ученых, которые, тем не менее, имели общие фундаментальные идеи⁸. Это означает, что два наиболее ценных принципа для исторических исследований – минимальные требования и оптимальные нормы – не исключали друг друга и, таким образом, могли использоваться различным образом как взаимодополняющие.

Интересно, что принципы использования метода (минимум требований) могли функционировать и в качестве оптимальных норм. Представляется, что иногда братья Вейбули (и многие другие историки этого периода) связывали изучение исторических проблем с усовершенствованием методов как основного объекта исторического исследования.

Так, если с точки зрения государственной политики, важными считались новые результаты, полученные по темам, относящимся к проблемам войны и мира, то с точки зрения сторонников принципа «минимальных требований», важными считались результаты, демонстрирующие, что имеющиеся заключения об исторических событиях основывались на материалах, которые, по тем или иным причинам должны оцениваться как ненадежные. Возможны и другие комбинации, при которых иногда новые результаты в области изучения истории государства были получены как следствие критического отношения к источникам. Нередко наблюдается признание приоритета метода при его использовании в работе с источниками по политической истории.

Весьма интересен новый поворот, который произошел в 1960-х⁹, когда историки по широкому фронту науки стали изучать проблемы, которые прежде не исследовались. Приоритетный статус метода все

⁸ *Torstendahl & Odén.* 2012. S. 107-134.

⁹ См.: *Torstendahl.* 2009.

более снижался, а принцип «оптимальных норм» опять стал преобладать. В это время история государства и связанная с ней проблематика потеряли даже второстепенное значение. В истории стали доминировать другие течения: сначала марксизм или исторический материализм (последний является более подходящим концептом для данной работы), позже – различные подходы социальных наук, а еще позже – концептуальная история, история ментальностей и культурная история в целом.

Значимость результатов определялась в соответствии с преобладающим критерием оценки. Это было легко сделать на протяжении периода, когда преобладал принцип «оптимальных норм» Ранке, и позже, когда доминирующим в оценке стал принцип требований к методу, т.е. до тех пор, пока существовал консенсус в отношении преобладающей системы оценки, значимость результатов исследований оценивалась без затруднений. Однако после раскола по вопросу об оптимальных нормах в 1960-х гг. уже не могло быть широкого консенсуса в отношении оценки результатов исследований. Полученные в некоторых областях исследований новые результаты по-прежнему еще получали общее одобрение, но во многих других областях эти результаты одобрялись лишь в «ближнем кругу» ученых, разделяющих специфический набор «оптимальных норм». Принцип «минимальных требований» не только был «сослан» со своей приоритетной позиции и лишен признания особой значимости. Нередко можно было обнаружить методологическую несостоятельность исследования, скрываемую под покровом похвалы за выбор «плодотворного» и «важного» аспекта темы исследования.

В дополнение к изменениям в оценочных критериях следует учесть разнородность новых разработок. Во многих уже утвердившихся новых направлениях истории для анализа причинно-следственных связей применяются самые разные теории. Так, например, в области изучения гендерной истории исследователь может раскрыть поведенческие модели, относящиеся к одной стране, которые могут быть перенесены на другие страны только путем их параллельного исследования. Впечатляющим примером является работа Л. Давидофф и К. Холл¹⁰, в которой анализируются социальные роли мужчин и женщин в Британии в конце XVIII – начале XIX в. Эта книга повлияла на исследования, проведенные в ряде стран, и в них были найдены неидентичные, но по своей значимости соответствующие описанным в исследовании Давидофф и Холл отношения, в основном с явными вариациями, характерными для разных периодов. Значение исследований, подобных этой работе

¹⁰ *Davidoff and Hall. 1987.*

определяется силой воздействия и вкладом в создание обобщенной картины гендерных отношений. Такие работы не являются просто дополнительным знанием, как обычные архивные изыскания, поскольку их новизна относится к теоретическим концепциям, которые формируют такую характеристику, как «нормальность» науки, а также такие отклонения от нормальности, которые заслуживают объяснения. Такого рода дополнения к знанию важны для всей области гендерных исследований.

Таким образом, дополнения к знанию могут быть как не очень значительными, так и весьма важными. Приращение знания, которое приводит к изменению структуры, выработанной предшествующей традицией исследования, следует характеризовать как важное и значимое, хотя степень этой значимости может существенно различаться. Такого рода дополнения к знанию вполне соответствуют тому, что Кун характеризует как «нормальную науку». Важно заметить, что не все новые результаты в истории являются лишь приращением фактического материала, иногда они требуют реорганизации теорий, которые являются фундаментальными для интерпретации прошлого. Этот тезис прекрасно иллюстрирует упомянутая книга. На самом деле, новые результаты могут относиться к весьма широкому спектру исследовательских новаций:

- от открытия ранее неизвестной коллекции писем выдающегося деятеля, принимавшего участие во многих политических событиях,
- до обнаружения ошибки в датировке политического (или другого) процесса,
- и далее к новым перспективам изучения масштабных исторических процессов (например, таких, как Революция в России) с использованием новых типов теоретических построений для их интерпретации.

Эти три примера, а также демонстрируемые ими различия, которые на самом деле еще более значительны, показывают, что содержание понятия «новые результаты» в историческом исследовании может весьма существенно варьировать. Когда я говорю об этом (и я хотел бы подчеркнуть важность этого утверждения), то имею в виду, что цель исторического исследования состоит в продвижении новых результатов на поле истории, и что это понимание цели разделяют историки, даже занимающие совершенно разные исходные позиции. Вот почему идея получения «новых результатов» никак не является достаточной для описания цели исследований профессиональных историков. Новые результаты могут быть классифицированы в соответствии с их значимостью, и поэтому общая дискуссия среди историков идет по вопросу о значимости новых изысканий. Тем не менее, понятие «научная революция», если пытаться сохранить самую суть этого концепта при использовании его в области

гуманитарного знания, не может, как было показано, прямо зависеть от такого измерения научного прогресса, который здесь обозначен как «новые результаты», даже если некоторые из них являются значимыми в контексте восприятия их профессиональным сообществом.

Научные революции в истории

Как уже отмечалось, вопрос о возможности применения понятия «научная революция» в гуманитарном знании, является спорным. Однако, если мы будем точно следовать за рассуждениями Куна, то возможно и найдем измененное значение этого понятия, адекватное для нашего анализа. Я собираюсь показать, что понятие научной революции можно применять к области истории на том основании, что возможность такого использования этого понятия связана не с результатами исторического исследования, а с аспектами, выходящими за рамки этой проблемы, и относится скорее к нормативной системе историописания. Имеется в виду, что «парадигмы» историографии нельзя рассматривать как имеющие доминирующее влияние или логически исключают друг друга. Для историков «смена парадигмы» означает стремление предоставить приоритет использованию новой нормативной системы, и при этом отвести старой системе лишь второстепенную роль. Как в таком случае мы можем распознать «научную революцию» в истории?

Когда Бродель писал свою книгу о Средиземноморье, его работа не имела прецедентов в предшествующей историографии о времени правления Филиппа II. Существовали лишь описания носителей власти в Средиземноморье и отношений между ними. Фундаментальное основание прославленной работы Броделя¹¹ построено на теории взаимосвязей между географическим фактором и социальными аспектами жизни общества, а также отношений между долговременными и изменяющимися условиями человеческого существования. Таким образом, Бродель создал новую нормативную систему, включающую наиболее важные элементы историописания. Бродель не говорил о том, что для него методология является чем-то менее значительным. Более того, представляется, что он рассматривал созданные им «оптимальные нормы» как своего рода методологию¹². Однако имплицитно ранее используемые методы критического анализа источников для изучения его проблематики не применялись и, таким образом, были отодвинуты в сторону. В этом смысле работу Броделя можно расценить как научную революцию. Работа Броделя не была использована историографией последующего

¹¹ Braudel. 1949.

¹² Braudel. 1979.

десятилетия после ее опубликования в качестве парадигмы. На ее почве появились цветы, но их было немного. Только спустя десять лет можно обнаружить более общие изменения в профессии историка. Характерной чертой работы Броделя было то, что в ней историческая нормативная система доминировала над желанием получить «надежное знание», а акцент на проработку методологических оснований исторического исследования был заменен подходом, при котором «значимость», «плодотворность» и им подобные характеристики становились основными оценочными критериями. В этом и состояла смена парадигмы 1960-х гг.

Бродель не был ни первым, ни последним историком, реформировавшим нормативную систему в истории. Как уже говорилось¹³, профессионализм является составной частью нормативной системы, которая принята либо всем историческим сообществом, либо доминирующим сообществом историков. Ранее подобные «научные революции», или изменения в содержании профессионализма историка были осуществлены Леопольдом Ранке в 1830-х гг. и разработками в области исторического метода и принципов его использования (Bernheim 1889; Langlois & Seignobos 1898) в последней декаде XIX века. Революция Ранке основывалась на его государственно-ориентированной концепции эволюционистской философии, известной как историцизм¹⁴. Другой важный аспект относится к способности Ранке воспитывать в своем «семинаре» учеников и последователей, которые распространяли его идеи по всей Европе и всему миру. Некоторые из его учеников участвовали в следующей революции в сфере исторических исследований, в ходе которой приоритет отдавался методам, а не оптимальным нормам. Когда Георг Вайц участвовал в основании *Monumenta Germaniae historica*, то он, возможно, и не усматривал конфликта между характером своего исследования с его методологическими акцентами и стилем мышления в духе Ранке.

Пару десятилетий спустя, когда в 1889 г. бывший ученик Вайца Бернгейм издал свою работу *Lehrbuch der historischen Methode*, то в ней совершенно явно просматривалось несомненное предпочтение, отдаваемое автором методу над оптимальными нормами. Высказанные замечания относительно изменений в приоритетах связаны с проявлением нового отношения к профессиональному историописанию, независимо от того, что Бернгейм и его коллеги-методологи имели в виду.

¹³ Torstendahl. 2009.

¹⁴ Обильная литература об «историцизме» отличается разнообразием интерпретаций, и не всегда в ней рассматриваются ранкеанские инновации. См.: Oexle. 1996, *Historismus in den Kulturwissenschaften*. 1996; Meinecke. 1936. См. также: Torstendahl. 2009.

Видимо, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос были в большей степени ориентированы на то, чтобы, в первую очередь, обратить историков к необходимости использования добротной методологии. Однако достаточно сложно определить, каким образом их философия позволяла им исключить недостоверные фрагменты из исторического текста, учитывая, что Бернгейм выражал желание максимально, насколько это возможно, приблизиться к прошлой реальности¹⁵.

Суть перемен, произошедших в 1960-х гг. и связанных с именем Броделя, состоит в смене приоритетов, когда принцип приоритетности метода и методологии для профессионализма историка был заменен на равнозначный, и даже более значимый принцип оптимальных норм, т.е. на признание особой значимости того, что важно и интересно в истории. В 1950-х и особенно в 1960-х гг. разные типы оптимальных норм были артикулированы в разных социальных науках, сначала представителями неомарксизма и исторического материализма, особенно Эриком Хобсбаумом, с одной стороны, и «Новыми левыми» во главе с П. Андерсоном, с другой, а позже – сторонниками идеала истории как социальной науки, с Юргеном Коккой как ведущим теоретиком.

Еще некоторое время спустя все больше стали обсуждать оптимальные нормы, а такие понятия как «менталитет», «идеи» и «культура» стали преобладать в лексиконе историка, отчасти как существующее параллельно направление¹⁶. Таким образом, появились новые направления, однако все эти новые «парадигмы» опирались на революцию в историографии, которая произошла в результате признания приоритета оптимальных норм, который утверждался постепенно, начиная с 1960-х гг.

Как рассказывать о новых открытиях и новых взглядах на историю?

Кроме теоретического анализа, о чем речь шла выше, есть и другая проблема, связанная с тем, как в истории воспринимались и каким образом были представлены новые результаты и научные революции. В настоящее время получила широкое признание идея о том, что история не может быть представлена иначе, нежели как нарратив. Тезис о том, что история и есть нарратив, не является новым, однако он был популярен лишь в некоторых странах Европы и в Америке. В остальном мире его, в основном, отрицали до тех пор, пока он не получил импульса с выходом двух книг, написанных двумя философами-аналитиками, Артуром Данто и Мортонем Уайтом¹⁷, которые оба поддерживали идею, что историческое объяснение неизбежно связано с нарративом. Многие другие – наи-

¹⁵ См.: *Torstendahl*. 2003.

¹⁶ *Penuna*. 2011. Глава 2.

¹⁷ *Danto*. 1965; *White*. 1965.

более известный из них, пожалуй, Поль Рикер¹⁸, – исходили из иных посылок, нежели А. Данто и М. Уайт, но приходили к подобным же результатам по вопросу о том, что собой представляет история.

Я бы хотел более пристально рассмотреть аргументацию, выдвинутую Йорном Рюзеном, который, возможно, является наиболее влиятельным современным защитником тезиса о том, что историческое сочинение неотделимо от нарратива, и одним из немногих, кто с уважением относится к Данто, заронившему интерес к проблеме исторического нарратива. Рюзен предложил типологию исторического нарратива, которая включает четыре категории: традиционный, объяснительный, генетический и критический нарратив. Эта типология была разработана в 1987 г. и впоследствии стала краеугольным камнем его анализа. Вместе с четырьмя другими переменными – памятью, континуитетом, идентичностью и чувством времени – выделенные восемь категорий составили таблицу «четыре-на-четыре» возможностей нарратива. Содержание таблицы поясняется на примерах, ряд из них относятся к области женской истории, которая была на подъеме в то время, когда впервые появилась статья Рюзена. Эти примеры иллюстрируют, как следует понимать разные типы нарратива, но этим их функции и ограничиваются. Таким образом, они не проясняют того, что историки хотели показать своими исследованиями, которые побудили их к выбору различных историографических форм¹⁹.

Относительно предложенной типологии, фундаментальным является вопрос о том, исчерпали ли предложенные Рюзеном формы нарратива свои возможности в плане использования их для исторических заключений, и (что особенно важно для моей работы), исчерпали ли они свои возможности в плане представления новых результатов в историографии. Если исследователь представляет новые результаты в форме исторического нарратива, то это не значит, что эти новые результаты должны быть представлены исключительно как часть нарратива. Актуальные направления развития истории сегодня, такие как компаративные исследования наций и регионов, аналитические дискуссии о специфике источниковых материалов об их внутренних связях и их иерархии, анализ взаимодействия культуры, цифровое описание различий в материальных условиях и демографической ситуации, представляют собой примеры совершенно противоположного характера. Новые исследования, как, например, те, что были перечислены, могли содержать новые результаты, которые не представляли собой нарративные утверждения и не могли быть осмыслены

¹⁸ Ricoeur. 1983-85.

¹⁹ Riesen. 2005. P. 11-17. Текст этой главы книги Рюзена был первоначально опубликован в 1987 г. в виде статьи в журнале “History and Theory”/

как часть нарратива. Они могли влиять на нарратив, но в таком случае нарратив должен восприниматься как популярный способ презентации истории. Новые результаты как таковые, т.е. креативный продукт научных исследований, могут быть осмыслены и описаны независимо от нарратива, хотя в то же время могут быть помещены в рамки нарратива.

Нарративы не предполагают различия между новыми результатами и старыми стереотипами, что делает необходимым для исследователя, который стремится подчеркнуть полученные новые результаты, разрывать поток нарратива, выделяя их аналитическую аргументацию. Профессиональному историку, который стремится раскрыть смысл своих новаций, важно, чтобы были представлены как эмпирические данные, так и дедуктивные логические рассуждения, на которых основываются новые результаты. Иногда исследователь также описывает свой способ получения новых результатов посредством представления данных, которые противоречат прежним утверждениям. В этом плане важно, как формировалось это новое утверждение, которое затем было проверено с тем, чтобы оно не противоречило никаким из уже известных фактов. Таким образом, проверяется «совместимость» новых изысканий с нарративной «рамкой». Такой учет «контекста открытия» не является редкостью в исследовательских исторических текстах, однако это не означает, что любой нарратив играет решающую роль для нового результата.

Пример: Одна кастовая группа в Южной Индии традиционно работала на землях, принадлежащих другой кастовой группе. В первой половине XX века возник конфликт между этими двумя группами, и работники находят убежище в христианской миссии. Однако, по прошествии двух десятилетий, они покидают ее и некоторые из них возвращаются обратно, а другие уходят в города. Исследователь, который поставил задачу получить новые результаты, рассмотрел различные варианты развития событий. Так, с одной стороны, было проанализировано влияние экстремальных погодных и климатических условий на сельское хозяйство, которое, в частности, выразилось в понижении урожайности), а также эффект механизации сельскохозяйственных работ, которая привела к появлению избыточной рабочей силы. Таким образом, появилась безработица, которая в прежней традиционной экономической структуре сельского хозяйства не наблюдалась, и которая обусловила выступления сельскохозяйственных рабочих. Причем эти выступления были направлены не только против работодателей, но и против их традиционной роли как лидеров восстаний религиозного характера²⁰.

²⁰ Пример взят из кн.: *Cederlöf*. 1997, хотя можно было бы привести и другие.

Новые результаты, таким образом, дали ряд элементов для создания нового нарратива. При этом каждый новый результат, важный и сам по себе, может быть использован в различных связках с уже известными явлениями. Новый нарратив стал очевидным лишь после того, как исследователь проверил множество возможных версий и исключил конкурирующие объяснения. Такого рода объяснениями могли быть, например, следующие: «все социальные конфликты происходили по вине землевладельцев», «социальная напряженность была вызвана развитием механизации в сельском хозяйстве», «социальное неповиновение было вызвано христианской миссией» и др. Все новые результаты должны были быть проанализированы по одному, а затем важно было проверить, не вступают ли новые находки в противоречия друг с другом по причине неверной интерпретации или незавершенности исследования. Для того чтобы представить все эти моменты в тексте, нужно вновь и вновь разрывать нить нарратива процедурами проверки. Это может быть сделано в виде нарративного отчета о процессе исследования, но важнейшим элементом такого отчета будет обсуждение возможности или исключения альтернативных интерпретаций. В чисто нарративной форме нельзя отдать должное всем аргументам такого рода. Таким образом, приведенный пример прекрасно демонстрирует сложные отношения между важными эмпирическими находками и нарративной формой презентации.

Это вовсе не значит, что историка не должен использовать нарратив. Нарратив может быть очень полезным, и во многих случаях он является неизбежной «рамкой» для новых результатов. Но сам факт, что новые результаты можно включить в формат нарратива не означает, что за ним признается определяющая.

Как рассматривать научные революции в истории?

Трудности представления новых результатов в форме нарратива, о которых я только что рассуждал, также нелегко преодолеть и применительно к ситуации с «научными революциями». Если нормативной системе, характерной для предшествующего периода брошен вызов (что и предполагает содержание понятия «научной революции»), как я его понимаю), то тогда практически невозможно представить, что нарратив, некогда установившийся в соответствии с преобладающими на тот период нормами, не был бы подвергнут существенному пересмотру после научной революции. И что еще более важно – если оспорены основные характеристики прежнего нарратива, то очевидно, что он непременно должен быть заменен другим нарративом. Позвольте мне напомнить Броделя и его анализ «Средиземноморского мира» конца XVI в. Его история этого «мира» – это не модернизированный нарратив, а новая форма, но с неко-

торыми элементами нарратива. Ряд этих нарративных фрагментов имеют прецеденты в более ранних работах по истории стран Средиземноморья и их взаимоотношений друг с другом. Однако этот факт не опровергает того, что фундаментальная структура в работе Броделя построена на его теоретической концепции, а не на нарративных элементах.

Тем не менее, книга Броделя о мире Средиземноморья не использовалась как общая парадигма ни сразу после опубликования, ни позднее. Некоторые из его ближайших коллег, сотрудничавших с ним в журнале «Анналы», пробовали применить его подход, но такие работы были редкостью. Это не значит, что влияние Броделя было очень ограниченным. Широкие круги историков заявляли о своей приверженности принципам Броделя, и в этих случаях они ссылались на нормативную систему его концепции и исторического письма. Уже через пару лет его репутация стала весьма солидной не только во Франции, где он получил влиятельные посты, но и в большей части Европы и Латинской Америки²¹. Это не исключает того, что многие историки продолжали писать работы в своей прежней манере, игнорируя публикацию книги Броделя и растущее влияние группы «Анналов», где идеи Броделя уважали.

При анализе работ историков, введших различные новые оптимальные нормы в 1960-е гг., имеется одно затруднение, которое связано с разной степенью близости этих историков к нарративу и разным отношением к наррации. Как уже говорилось, работа Броделя представляла собой не только реформирование старого нарратива посредством теоретической концепции, новаторской была сама постановка проблемы. Однако эту работу можно рассматривать и как новый нарратив с новыми агентами и новыми установками. То же можно сказать с еще большим основанием и о работах приверженцев материалистической интерпретации истории Эрика Хобсбаума и Перри Андерсона (и многих других). Их материалистическое видение приводило к ре-интерпретации и предложению новых или малоизвестных объяснений, основанных на марксистских постулатах; они осуществляли новые подходы к проблемам, которые лишь частично изучались прежде. Вместе с тем, некоторые из них, особенно Эрик Хобсбаум, предпочитали излагать свои новые результаты в форме нарратива. У Хобсбаума нарративы иногда относятся к индивидам и близко соприкасаются с жанром биографий, но всегда имеют необычную перспективу, определяемую его теоретическими взглядами²². Когда

²¹ Влияние Броделя на международные конгрессы было чрезвычайно велико, даже когда он в них не участвовал. Я исследовал воздействие международных конгрессов на профессионализм историков (работа находится в печати).

²² *Hobsbawm*. 1969; 1968.

он, в других случаях, писал об истории государств и обществ, нарратив был у него лишь средством выражения собственных теоретических объяснений и интерпретаций²³. Подобные утверждения справедливы в той или иной степени для каждого из тех, кто инициировал новые оптимальные нормы, ставшие популярными среди историков после 1960-х гг.

Они часто использовали для своих целей теории социальных наук. Это было новшеством, хотя они это делали в рамках более или менее развитого нарратива, и поэтому весьма сложно понять, насколько каждый из авторов отделял нарратив от своих интеллектуальных новаций. Гендерная история не является исключением. Только в таких теоретических работах, как книга Джоан Скотт²⁴, можно обнаружить, что нарративные разделы, по меньшей мере частично, подчинены главной перспективе, имеющей новое теоретическое основание, в то время как многие другие книги по гендерной истории получили известность как своими нарративами, которые они подвергли пересмотру, так и косвенной пропагандой отдельных оптимальных норм – как, например, уже упомянутая книга Леонор Давидофф и Кэтрин Холл. Таким образом, новые оптимальные нормы и желание установить их в профессиональном сообществе обычно не исключали использование нарратива, как не исключали приверженности к точным методам, хотя ни нарратив, ни методы не играли главной роли в исследованиях этих авторов.

Из изложенных аргументов следуют два вывода. Представляется, что авторы работ, о которых можно сказать, что они представляют «научную революцию» в сфере нормативной системы профессиональной историографии, могут отклоняться или не отклоняться от нарративной формы. Тем не менее, их амбиции находятся за пределами нарратива.

Не так легко определить, какие новые направления в историописании свидетельствуют о новшествах в нормативной структуре. Недостаточно заявить, что предлагаемая норма (т.е. критерий значимости) является новой. Если уже наличествуют другие нормы, которые служат той же цели, то оказывается, что историческое сообщество расценивает альтернативу не как революционную, а скорее как одну из возможностей, наряду с другими. Поэтому тот методологический поворот в нормативной системе (с 1950–60-х гг. и до 1980-х гг.), который состоял в том, что отдавалось предпочтение оптимальным нормам, опиравшимся на разного рода социально-научные теории, можно расценивать как единый революционный сдвиг, даже несмотря на то, что каждое отдельное направление не ощущается как революционное. Таким образом, исторический

²³ Hobsbawm. 1962; 1975; 1987; 1990; 1994.

²⁴ Scott. 1988.

материализм, женская история, гендерная история, история ментальностей, культурная история и др. попадают в одну категорию новых направлений внутри нечетко определяемой профессиональной нормативной системы²⁵. И только постмодернистские теории (по крайней мере, в большинстве своем) имеют иную направленность, вытекающую из отрицания возможности профессионального статуса истории.

Заключительные ремарки

Важные исторические работы – как книги, так и статьи – представляют читателю нечто новое. И многие другие результаты исторических исследований дополняют наши знания, даже если мы не называем их побуждающими к размышлениям, фундаментальными, инновационными или революционными. Не в этом состоит то различие, которое мы здесь хотели произвести. Вместо этого мы сфокусировали внимание на различиях между такими историческими исследованиями, которые являются новыми в том смысле, что своими новыми результатами изменяют некие устоявшиеся «истины», и теми работами, которые разрушают фундаментальные принципы предшествующей историографии, бросая вызов самим основам профессионализма историка. Нормативная система, которая является стержнем этой профессиональной деятельности, оказывается под давлением такого «нового мышления».

Может возникнуть вопрос, есть ли четкая граница, между разными по своей значимости «новыми результатами» и «научными революциями» в области истории? Думаю, что такой границы нет. Книга Леопольда Ранке²⁶ прочитывалась и комментировалась как одна из многих других, посвященных политике этого периода, несмотря на то, что в ней «нации Европы» были рассмотрены под углом зрения, определяемым совершенно новым концептом «системы государств». То же можно сказать и о книге Броделя, которая воспринималась как некая история о времени Филиппа II, т.е. без понимания того, что она имеет совершенно новую концептуальную рамку временных последовательностей – «большой длительности», средней и короткой («быстрое время») и их взаимодействия. Таким образом, именно интерпретация создает содержание работы. Моя интерпретация, изложенная здесь, состоит в признании этих работ несомненными «вехами» на пути развития нормативной системы, которая составляет сердцевину профессионализма.

²⁵ Эта позиция отличается от той, которой я придерживался ранее. Теперь я скорее указал бы на то, что множество альтернатив в современной историографии основываются на некоторых общих предположениях, чем на то, что они являются революционными. Хотя их различие остается.

²⁶ *Ranke*. 1824.

Однако нарратив может должным образом инкорпорировать лишь ограниченную часть новых результатов. Чем более масштабны новые результаты, тем сложнее разработать соответствующий им нарратив. Это со всей очевидностью подтверждают работа Юргена Кокки о стадиях в развитии бюрократии в компании Siemens и Halske²⁷ и упомянутая выше книга об утрате прежних связей между кастами в Южной Индии. В них требовалось описать и проанализировать все сложные моменты, а такие аналитические рассуждения нелегко встроить в логику нарратива.

Если предположить, что основная задача историков – распространять новые результаты внутри научного сообщества, а я именно так и думаю, тогда нельзя допускать, чтобы эти результаты оставались в тени из-за желания получить широкое признание вне академического сообщества с помощью увлекательного нарратива. Новые результаты могут не иметь непосредственного отношения к формату нарратива, а это значит, что историк должен сделать выбор между увлекательным нарративом и отчетом о новых результатах. Например, новый результат, определивший новый взгляд на характер Русской Революции (в частности, ее отношение к насилию и демократии), требует аналитической аргументации в такой форме, которая исключает использование структуры нарратива. Тогда историк должен решить, что для него более важно – отказаться от нарратива с тем, чтобы перенести внимание на новые результаты и раскрытие их оснований, или же придерживаться структуры нарратива и упустить возможность осмыслить новые результаты. И оказывается, что наибольшее признание в длительной перспективе получили те историки, которые отказались от нарратива, чтобы развить свою аргументацию.

Научные революции, как нечто отличное от новых результатов и в том смысле, в каком мы употребляем это понятие здесь, обычно не планируются как атака на всю систему профессиональных знаний, а скорее предполагают достичь лучшего понимания отдельных проблем. Это не значит, что революционные преобразования господствующего профессионализма были непреднамеренными. Главной целью авторов исторических трудов, которые получили известность благодаря тому, что привнесли новые подходы к изучению истории, был не нарратив, если только он не имел достаточной гибкости и объема для включения их инновационных интеллектуальных достижений. С другой стороны, стремление к инновации недостаточно для того, чтобы революционизировать историю. Многие новые направления историографии последних десятилетий, о которых здесь упоминалось, со всей очевидностью свидетельствуют о

²⁷ Кокка. 1969.

том, что одних только амбиций в отношении создания новых ценностных систем недостаточно для того, чтобы совершить революцию в историографии. Для этого они должны получить признание, а отношения между нормами и академическим сообществом сложны и запутанны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Круг, 2011.
- Braudel F.* *Ecrits sur l'histoire*, Paris: Flammarion, 1979.
- Braudel F.* *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*. 1949.
- Danto, Arthur C.* *Analytical Philosophy of History*. 1965.
- White, Morton.* *Foundations of Historical Knowledge*. 1965.
- Davidoff, Leonore and Catherine Hall.* *Family Fortunes*. (1987)
- Cederlöf, Gunnel.* *Bonds Lost. Subordination, Conflict and Mobilisation in Rural South India, c. 1900-1970*. Delhi: Manohar, 1997.
- Hobsbawm E.* *Captain Swing*. London: Lawrence & Wishart, 1969.
- Hobsbawm E.* *Labouring Men*. London: Weidenfeld & Nicholson, 1968.
- Hobsbawm E.* *The Age of Revolution: Europe: 1789–1848*. L., 1962.
- Hobsbawm E.* *The Age of Capital 1848–1875*. L., 1975.
- Hobsbawm E.* *The Age of Empire: 1875–1914*. L., 1987.
- Hobsbawm E.* *The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*. L., 1994.
- Hobsbawm E.* *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge: Cambridge U.P., 1990.
- Kocka, Jürgen* *Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft am Beispiel Siemens 1847-1914*. Stuttgart 1969.
- Kuhn, Thomas.* *The Structure of Scientific Revolutions*. 2nd ed., Chicago: U. of Chicago Press) 1970.
- Ranke L.* *History of the Latin and Teutonic Peoples from 1494 to 1514* (1824).
- Ricoeur P.* *Temps et récit*. T. 1-3. Paris: Seuil, 1983-85.
- Rüsen J.* *History: Narration, Interpretation, Orientation*. N.Y. & Oxford: Berghahn, 2005.
- Scott, Joan W.* *Gender and the Politics of History*. N.Y.: Columbia U.P., 1988
- Torstendahl R.* *Historiska skolor och paradigm // Scandia*. 45. 1979. 151-170.
- Torstendahl R.* *Fact, truth, and text: The Quest for a Firm Basis for Historical Knowledge Around 1900 // History and Theory*. 2003. Vol. 42. P. 305-331.
- Torstendahl R. & B. Odén.* *Den weibullska riktingen // G. Artaeus & K. Åmark (eds.) Historieskrivningen I Sverige*, Lund: Studentlitteratur, 2012, 107-134.
- Torstendahl R.* *Historical Professionalism: A Changing Product of Communities within the Discipline // Storia della Storiografia*. 2009. 56. P. 3-26.
- Lakatos I., Musgrave A.* *Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge: C.U.P., 1970.
- Popper C.* *Conjectures and Refutations. The Growth of Scientific Knowledge*. L., 1963.
- Oexle, Otto Gerhard.* *Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996.
- Historismus in den Kulturwissenschaften / O.G. Oexle & J. Rüsen (eds.)*. Köln etc.: Böhlau, 1996.
- Meinecke F.* *Die Entstehung des Historismus*. 2 Bd. München, 1936.
- Rolf Torstendahl**, *professor emeritus, Department of History, Uppsala University; rolf.torstendahl@hist.uu.se*